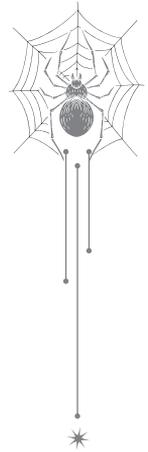

Оглавление

Посвящение	5
Глава 1, в которой говорится об именах и семейных отношениях	7
Глава 2, в которой рассматриваются некоторые вещи, происходящие после похорон	28
Глава 3, в которой семья собирается вместе	49
Глава 4, которая завершается вечеринкой с вином, женщинами и песней	69
Глава 5, в которой мы изучаем многочисленные последствия похмельного утра	85
Глава 6, в которой Толстяк Чарли не может попасть домой даже на такси	113
Глава 7, в которой Толстяк Чарли заходит очень далеко	149
Глава 8, в которой в высшей степени полезной оказывается турка	180
Глава 9, в которой Толстяк Чарли открывает дверь, а Паук встречается с фламинго	200
Глава 10, в которой Толстяк Чарли отправляется повидать мир, а Мэв Ливингстон разочарована	221

Глава 11, в которой <i>Рози</i> учится говорить незнакомцам «нет», а <i>Толстяк Чарли</i> получает лайм . . .	257
Глава 12, в которой <i>Толстяк Чарли</i> делает несколько вещей впервые	288
Глава 13, которая кое-кому принесет несчастье	312
Глава 14, благодаря которой можно прийти к нескольким заключениям	348
Комментарии	372

Посвящение

Сами знаете, как бывает.

Берете книгу, открываете посвящение
и обнаруживаете, что автор снова посвятил книгу
не вам, а кому-то еще.

Но не в этот раз.

Поскольку мы еще не встречались/шапочно знакомы/
без ума друг от друга/слишком долго не виделись/
нас кое-что связывает/никогда не встретимся, —
я верю, несмотря ни на что,
мы всегда будем думать друг о друге с нежностью...

Эту книгу я посвящаю вам.

Сами знаете, с какими чувствами,
и возможно, понимаете, почему.

Примечание: пользуясь случаем, автор хотел бы
почтительно снять шляпу перед призраками
Зоры Нил Хёрстон, Торна Смита, П. Г. Вудхауза
и Фредерика «Текса» Эйвери¹.

Глава 1,

в которой говорится
об именах
и семейных отношениях

Как почти все на свете, эта история началась с песни. В самом деле, в начале были слова, а с ними возникла мелодия. Именно так был создан мир, свет отделен от тьмы, так все они — и суша, и звезды, и сны, и малые боги, и звери — явились в этот мир.

Их спели.

Большие звери были спеты в мир после того, как Певец разобрался с планетами, и горами, и деревьями, и морями, и зверьми помельче. Пропеты были скалы, что обозначают предел всему, и охотничьи угодья, и тьма.

Песни остались. Они все еще звучат. Правильная песня может сделать императора посмешищем, свергнуть династию. События и их участники давно превратились в пыль, быль и небыль, а песня все звучит. Такова сила песен.

С песней можно делать многое. Не только создавать миры и воскрешать сущее. Отцу Толстяка Чарли, к примеру, песни пригодились для того, чтобы, как он надеялся и ожидал, провести отличный вечерок.

Пока отец Толстяка Чарли не вошел в бар, бармен пребывал в уверенности, что вечер караоке пройдет через пень-колоду, но вот в зал проскользнул маленький старичок, прошел мимо свежеобгоревших на солнце блондинок с улыбками туристок, что сидели у маленькой импровизированной сцены, в углу. Он поприветствовал дам, веж-

ливо приподняв шляпу (а он и правда был в шляпе, без единого пятнышка, зеленой фетровой шляпе и лимонного цвета перчатках), после чего запросто уселся за их столик. Блондинки захихикали.

— И как вам здесь нравится, дамы? — спросил он.

Они, не переставая хихикать, рассказали, что им тут здорово, спасибо, они тут в отпуске. Будет еще лучше, сказал он, дайте время.

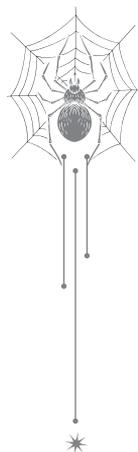
Он был старше, много, много старше, но зато так любезен, словно явился из ушедшего века, когда изящные манеры и утонченные жесты еще что-то да значили. Бармен расслабился. Если в баре появляется такой человек, вечер наверняка удастся.

И было караоке. И были танцы. В тот вечер старик поднимался на импровизированную сцену не один раз, а дважды. У него был приятный голос, обаятельная улыбка, а ноги так и мелькали, когда он танцевал. В первый раз он вышел спеть «*What's new, Pussycat?*»².

А когда вышел во второй раз, он разрушил жизнь Толстяка Чарли.

Толстым Толстяк Чарли был недолго, лет с десяти, — когда его мать возвестила, что если есть на свете что-нибудь, чем она сыта по горло (а коль у джентльмена, о котором идет речь, имеются возражения, он может засунуть их сами знаете куда), то это брак со старым козлом, за которого она имела несчастье выйти замуж, и что нынче же утром она уезжает очень далеко, а он пусть не вздумает тащиться за ней, — и до четырнадцати, когда Толстяк Чарли немного подрос и окреп. Он не был толст. Говоря по правде, он и круглолицым не был, просто слегка закругленным по краям. Но кличка Толстяк Чарли к нему прилипла, как жвачка к подошве теннисной туфли. Он представлялся другим как Чарльз или, когда ему было чуть

за двадцать, Чез, или, в письмах, как Ч. Нанси, но без толку: что ни делай, клличка проползет во все уголки жизни, словно таракан, трещина за трещиной осваивающий пространство за холодильником на новой кухне, и нравится Толстяку Чарли или нет — а ему не нравилось, — он останется Толстяком Чарли.

Все потому, чувствовал он, что кличку дал отец, а когда отец придумывал имя, оно прилипало.

В доме напротив, на той же флоридской улочке, где рос Чарли, жил пес. Это был каштанового окраса боксер, длинноногий и остроухий, с такой мордой, будто, когда был щенком, этой мордой он приложился к стене. Голову он держал высоко, хвост короткий, свечкой. Это был, вне всяких сомнений, аристократ собачьих кровей. Участник выставок. Неоднократно отмеченный как «лучший представитель породы», «лучший в своем классе», а однажды даже как «лучший на выставке». Прозывался пес Кэмпбеллом Макинрори Арбутнотом Седьмым, а в неформальной обстановке хозяева звали его Каем. Так продолжалось до того дня, пока отец Толстяка Чарли, сидя на крыльце в ветхом кресле-качалке и попивая пиво, не обратил внимание, как по соседнему двору на привязи, которой хватало от пальмы до изгороди, лениво разгуливает пес.

— Ну что за бестолковая псина, — сказал отец Толстяка Чарли. — Прямо как дружок Дональда Дака. Эй, Гуфи!

И тот, кто однажды был признан «лучшим на выставке», буквально на глазах сник и утратил свой лоск. Для Толстяка Чарли это было как если бы он вдруг увидел пса глазами своего отца и, черт возьми, если пес в самом деле не бестолков. Как мультяшный.

На то, чтобы кличка разошлась по всей улице, много времени не понадобилось. Владельцы Кэмпбелла Макинрори Арбутнота Седьмого пытались с этим справиться, но с тем же успехом они могли противостоять урагану. Даже совершенно незнакомые люди, поглаживая некогда гордо-го боксера по голове, говорили: «Привет, Гуфи. Хороший

мальчик». Вскоре владельцы перестали пса выставлять. У них духу на это не хватало. «Вылитый Гуфи», — говорили судьи.

Отец Толстяка Чарли давал такие прозвища, что они прилипали, вот и все.

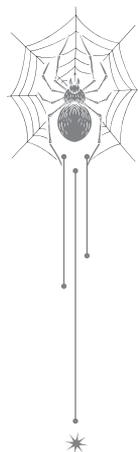
И это еще не самое худшее.

Пока Толстяк Чарли рос, на роль самого худшего в его отце претендовали и блуждающий голодный взгляд, и не менее блудливые руки, — если верить девицам, что имели обыкновение жаловаться матери Толстяка Чарли, после чего у родителей случались скандалы; и маленькие черные сигариллы, которые отец называл черутами и запах которых приставал ко всему, чего он касался; и его пристрастие к необычной шаркающей разновидности чечетки, которая, как подозревал Толстяк Чарли, если и была когда в моде, то разве что в Гарлеме, в двадцатые годы, и не дольше получаса; полное и неодолимое невежество отца в делах международных в сочетании с твердой верой в то, что получасовые ситкомы — это документальная хроника жизни реально существующих людей. Для Толстяка Чарли ни одно из этих качеств на роль самого худшего не тянуло, — худшее они давали в сумме.

Но самое наихудшее в отце было то, что он постоянно ставил Толстяка Чарли в неловкое положение.

Понятно, что всякий стесняется своих родителей. Это неотъемлемое родительское свойство: в родительской природе смущать детей самим фактом своего существования, тогда как в природе детей определенного возраста — съеживаться от смущения, стыда и унижения в тот момент, когда родителям всего лишь вздумается обратиться к ним на улице.

Отец Толстяка Чарли, само собой, возвел это в ранг искусства, он наслаждался этим не меньше, чем розыгрышами, от простых — Толстяк Чарли никогда не забудет, как первый раз улегся в постель, уложенную «яблочным пирогом»³ — до непредставимо сложных.

— Например? — спросила однажды Рози, невеста Толстяка Чарли. Тем вечером Толстяк Чарли, никогда не рассказывавший об отце, предпринял, запинаясь, попытку объяснить, почему он уверен, что пригласить отца на свадьбу — очень неудачная идея. Они сидели в маленьком винном баре в южном Лондоне. Толстяк Чарли давно уже считал, что четыре тысячи миль и Атлантический океан между ним и его отцом *никогда не лишние*.

— Ну... — сказал Толстяк Чарли, вспоминая пережитые унижения, от каждого из которых невольно сжимались пальцы на ногах.

И выбрал одну историю.

— Ну вот, когда я перешел из одной школы в другую, папа все рассказывал, с каким нетерпением он, когда был мальчиком, ждал президентского дня, потому что по закону дети, которые в этот день приходят в школу в костюме своего любимого президента, получают большой мешок сладостей.

— Какой милый закон, — сказала Рози. — Нам бы, в Англии, такой не помешал.

Рози никогда не выезжала за пределы Соединенного Королевства, если не считать поездки с «*Клубом 18—30*»⁴ на остров, который, она была почти уверена, расположен в Средиземном море. У нее были теплые карие глаза и доброе сердце, а знание географии не входило в число ее достоинств.

— Это не милый закон, — сказал Толстяк Чарли. — Это вообще не закон. Он все придумал. В большинстве штатов и в школу никто в президентский день не ходит, а в тех, где ходят, нет такой традиции, чтобы школьники наряжались в президентов. И Конгресс не принимал закона, по которому школьникам, переодетым в президентов, давали бы по большому мешку конфет, и твоя популярность в школе и потом в университете вовсе не зависит от того, каким президентом ты оденешься — середняки, дескать, выбирают очевидных — Линкольна, Вашингто-

на, Джефферсона, — но истинный успех ожидает тех, кто одевается под Джона Квинси Адамса, Уоррена Гамалиеля Гардинга или кого-то в этом роде. И, мол, плохая примета обсуждать свой наряд до президентского дня. Точнее, нет такой приметы, но он сказал, что есть.

— И мальчики, и девочки наряжаются президентами?

— О да. И мальчики, и девочки. Так что за неделю до президентского дня я прочел о президентах все, что было в энциклопедии, чтобы не ошибиться с выбором.

— И ты ни разу не заподозрил, что он тебе голову морочит?

Толстяк Чарли покачал головой.

— Если мой отец за тебя берется, ты никогда ничего не заподозришь. Он — самый лучший лжец в мире. Он убедителен.

Рози отпила немного шардоне.

— Ну и каким президентом ты нарядился?

— Двадцать седьмым, Тафтом. Я надел коричневый костюм, который отец где-то раздобыл, подвернул штанины, заткнул за пояс подушку. Нарисовал на лице усы. Отец в тот день сам отвел меня в школу. Как я был горд! Но остальные дети ржали и показывали на меня пальцами, и тогда я заперся в кабинке туалета для мальчиков и расплакался. Меня даже не отпустили домой переодеться. Я ходил так весь день. Это был сущий ад.

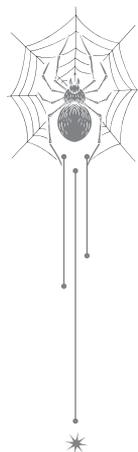
— Надо было что-нибудь придумать, — посоветовала Роза. — Сказал бы, что идешь после школы на вечеринку или еще что-нибудь. Или просто сказал бы правду.

— Ага, — угрюмо кивнул Толстяк Чарли.

— А что сказал папа, когда ты пришел домой?

— О, он оборжался. Хихикал, фыркал, так и давился от смеха. А затем сказал, жаль, должно быть, теперь больше не наряжаются в президентский день. Ну что же, добавил он, почему бы нам не отправиться на пляж поискать русалок?

— Поискать... русалок?

— Мы спустились к пляжу и пошли вдоль воды, и он вел себя хуже некуда: пел, шаркал ногами по песку, словно танцует *песочный танец*⁵, заговаривал с людьми, что встречались на пути, — с людьми, которых он не знал и никогда прежде не видел, а я бесился от всего этого, пока он не сказал, что в Атлантике водятся русалки, и если резко и быстро посмотреть в сторону, хоть одну да увидишь. «Вон, — сказал он, — смотри! Большая и рыжая, с зеленым хвостом». И я все смотрел и смотрел, да так и не увидел.

Он опустил голову. Затем набрал в руку орешков из стоявшей на столе чаши и принялся забрасывать их в рот и так ожесточенно жевать, будто каждый орех представлял собой двадцатилетней давности унижение, которое не может быть забыто.

— А я думаю, он восхитителен! — радостно сказала Роза. — Большой оригинал. Нужно обязательно позвать его на свадьбу, он будет душой компании.

Ничего хуже этого, объяснил Толстяк Чарли, чуть не подавившись бразильским орехом, и представить невозможно — чтобы его отец вдруг объявился и стал душой компании. И нет и не было *во всем зеленом Божьем мире*⁶ человека, который ставил бы его в неловкое положение чаще, чем отец. И еще добавил, что не видел старого козла несколько лет, очень тому рад, а решение матери оставить отца и отправиться в Англию к тете Аланне считает самым удачным в ее жизни. Эту декларацию он подкрепил заявлением, что будь он проклят, дважды проклят и, может, даже трижды проклят, если собирается пригласить на свадьбу собственного отца. На самом деле, сказал Чарли в заключение, *самое лучшее* в женитьбе — это *не приглашать* отца на свадьбу.

Тут Толстяк Чарли увидел лицо Розы и ледяные искорки в ее обычно доброжелательном взгляде и поспешил исправиться, объяснив, что это *еще одно* самое лучшее, однако было уже поздно.